

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И МЕТОДИКА ЕГО ПРЕПОДАВАНИЯ

АНТИНОМИЧНОСТЬ КАК ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ОСОБЕННОСТЬ ДРЕВНЕХРИСТИАНСКОЙ ЛИТУРГИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

О.В. Чевела

Кафедра русского языка
Казанское высшее артиллерийское командное училище
(военный институт) им. М.И. Чистякова
Октябрьский городок, Казань, Россия, 420025

Анализируются риторические формы выражения философско-теологических антиномий в контексте отечественной феноменологической герменевтики. На материале древних славянских рукописей автор рассматривает универсальные принципы переработки исходных формул, особенности перевода византийской гимнографии на древнеславянский язык.

Ключевые слова: антиномия, контекст, поэзия, христианство.

Как отмечает о. П. Флоренский, само слово *антиномия* как философский термин происхождения достаточно позднего и появляется у Канта в «Критике чистого разума». До этого оно употребляется преимущественно как юридический и отчасти богословский термин, но «насколько поздним оказывается термин антиномия, настолько же раннею — сама идея необходимой само-противоречивости рассудка, связываемая теперь с этим термином» [1. С. 153].

Впервые проблема антиномичности языка ставится богословами. У Августина она предстает как антиномия человеческого слова и смысла, или Первослова, приводящая к искажению Первослова в человеческом слове, пытающемся «выразить невыразимое». Особенно ярко глубина богословского содержания антиномий представлена в сочинениях Дионисия Ареопагита, а также у Максима Исповедника и кардинала Николая Кузанского, считающего совмещение противоположностей источником истинного Боговедения.

Рассуждения об антиномичном характере христианского вероучения содержатся в сочинениях преподобного Иосифа Волоцкого, который видит в кажущихся противоречиях божественных писаний их внутреннее диалектическое единство: «Но не суть съпротивна, но и зело согласны явятся и свидетельство

имуще от божественных писаний, ветьхыхъ же и новыхъ». Сообразно с этим и в отечественной религиоведческой герменевтике противоречия подразделяются на действительные (*ἀντιλογία*) и кажущиеся (*ἐναντιόφανον*), при этом в тексте Священного Писания не может быть противоречий первого рода. Логика герменевтического суждения предполагает «соглашение» мест Писания, противоречащих между собой [2. С. 103].

В лингвистике идея антиномичности языка связана с именами А.А. Потебни и В. фон Гумбольдта. Идеи А.А. Потебни оказали влияние на отечественную лингвофилософию, связанную с традициями *имяславия*.

В отечественной богословской и философской мысли разработкой понятия антиномии занимались о. П. Флоренский, о. С. Булгаков и А.Ф. Лосев. В работе «Философия имени» А.Ф. Лосев высказывает мысль об антиномичности диалектической связи между идеей (сущностью вещи) и ноэмой (пониманием), воплощенной в эйдосе (смысле) [3. С. 149], соотнося речемыслительный процесс с триадой *тезис—антитезис—синтез*.

Антиномия языка и речи занимает значительное место в герменевтических системах представителей феноменологической школы на Западе: язык полнее, чем речь, поскольку существует скрытая трансцендентная часть языка (Хайдеггер). По мнению Г.Г. Гадамера, антиномия является и критерием истинности самого герменевтического метода, в основе которого лежит «саморазвертывание» мысли: «истинный метод — опыт перехода в свою противоположность, развертывание смысла целого, на которое направлено понимание» [4. С. 536].

Считая антиномичность характерной ментальной особенностью древнего эллина, о. П. Флоренский относит «сочетание противоположностей» к существенным свойствам греческого ума, в качестве иллюстраций приводя сентенции из сочинений Гераклита Темного и Платона. Развивая исходный тезис богословской концепции кардинала Николая Кузанского о «совпадении в Боге противоположностей» — (*coincidentia oppositorum*), о. Павел утверждает, что «под углом догматики антиномии неизбежны», аргументируя данное положение многочисленными примерами из Священного Писания, в особенности из посланий апостола Павла [1. С. 153—165].

В философской системе А.Ф. Лосева отчетливо прослеживается связь с богословским учением Дионисия Ареопагита. Развивая тезис о религии как абсолютной мифологии, А.Ф. Лосев в работе «Диалектика мифа» приводит список антиномий *конечного и бесконечного, временного и вечного, сущего и не-сущего (мео-на)*, которые «покрываются» в конечном счете антиномией *единого и многого* (Триединство): «Многое, если оно только есть многое, не есть ни в каком смысле одно, ибо иначе мы и не называли бы его только многим. Но если многое не содержит в себе никакого единства, тогда оно и не состоит из отдельных частей, ибо каждая часть тоже была бы чем-то одним. Многое же, которое не есть многое разных отдельных единиц и даже никаких отдельных единиц, очевидно, вовсе не есть многое. Итак, если есть многое, то есть и одно; а если нет ни одного, то и нет никакого многого. Таким образом, ни монизм (голый), ни плюрализм (голый) не могут быть оправданы чисто диалектически. *Их оправдание — в мифо-*

логии и в догматическом богословии» [5. С. 528]. Но наиболее последовательную разработку понятие антиномии как мнимого противоречия получило у другого представителя русской феноменологической школы, о. С. Булгакова: «Природа антиномии состоит в том, что она не только сопоставляет два, при отвлеченном рассмотрении кажущиеся противоположными понятия, но она устанавливает их актуальное тождество... Антиномия свидетельствует о равнозначности, равносильности и вместе нераздельности, единстве и тождестве противоречивых положений» [6. С. 262].

Выстраивая градуальный ряд антиномий — *теологическая, космологическая, софиологическая христологическая*, занимающая, как мы увидим далее, в этом ряду центральное место, и наконец, *пневматологическая*, — о. С. Булгаков выделяет и ряд частных антиномий: *единое и многое, вечность и время, всепространственность и сверхпространственность, невидимость и видимость, безобразность и изобразимость, творец и творение*. Мы дополнили классификацию о. Сергия, выделив несколько частных разновидностей, образующих ряд парадигм: *нематериальность и вещественность, бесплотность и воплощение, смерть и бессмертие, сон и бодрствование, свобода и узы* и т.д.

Считая антиномичность характерной чертой восточной литургической поэзии, Ж.П. Бессе связывает ее с характером мировосприятия. Называя основными источниками древней сирийской и армянской гимнографии «интуицию, парадокс и антиномию», он подчеркивает принципиальное различие между восприятием мистерии на Востоке и на Западе [7. С. 408—415]. Близость к парадоксу древних песнопений армянской церкви отмечена С.Т. Золянном, связывающим эту особенность с особым способом «мышления оппозициями» [8. С. 195].

Облекая в форму антиномии христианские заповеди и наставления, важнейшие догматы христианского вероучения, гимнографы становятся наследниками апостольской традиции. Пронизаны религиозными антиномиями творения Ефрема Сирина, Романа Сладкопевца, Андрея Критского, Иоанна Дамаскина. Византийские гимнографы, для которых характерна «любовь к противоречиям», были, по выражению С. Брока «сирийцами греческой письменной культуры». Рассматривая парадокс как форму выражения философско-теологических антиномий на материале кондаков Романа Сладкопевца, С.С. Аверинцев выделяет две основные разновидности: 1) противопоставленность и сопряженность строфы и рефрена; 2) непосредственная формулировка антиномии в рефрене [9. С. 222—225].

Как богословская категория, антиномии прошли длительный путь развития. В дуалистическом учении гностиков антиномии носят иррациональный характер и ведут к неразрешимому противоречию. В некоторых богословских концепциях они сводятся к простому тождеству, приводящему к отождествлению и неразличению ипостасей. Подлинная диалектика возникает на более позднем витке развития христианской богословской мысли, что нашло отражение в гимнографии и литургии.

Так, согласно ортодоксальному христианскому учению, Бог, в существе своем непричастный какому-бы ни было изменению — ἀναλλοίωτος — «полагает себя как Творца, творящего мир и самого себя ввергающего в поток становления

временного, возникающего бытия», эта мысль лаконично выражена в стихирах, вошедших в состав Цветной Триоди.

В неделю о расслабленном:

Ὁ θεὸς ὑπάρχων ἀναλλοίωτος, σάρκι πάσχων ἡλλοίωσας — **БГХ СДН**
непремѣненъ плотию стража^а измѣни^ѣ, срв. инвариант трафаретной формулы в со-
ставе другого текстового фрагмента: ὁ ὑπάρχων ἀναλλοίωτος θεότητι, ἡλλοίωσας
κρεμάμενος σταυρῷ.

Приведем для сравнения фрагмент из сочинения одного из представителей модалистов, Ноита из Малой Азии. Как отмечает Л.П. Карсавин, на его богословскую систему оказали влияние основные постулаты учения стоиков, что в существе своем Бог неизменен и един, но это не мешает ему обладать изменчивостью (*ἀλλοίωσις*) по отношению к миру:

Один и тот же Бог — Творец и Отец всего. Он благоволил открыться праведным, **невидим**, когда Его **не видят**, **непостижим**, когда **не хочет быть постигаемым**, **постижим**, когда **постигается**. Подобным же образом **непреодолим** он и **преодолим**, **нерожден** и **рожден**, **бессмертен** и **смертен**... Значит, «Христос есть сам Отец, и Сам Отец рожден и пострадал» [10. С. 82].

Противоречие лежит в основе диалектики словесного образа, что является типологической особенностью гимнографии восточной церкви. Указывая на «двойственный» характер образной системы сирийской и армянской гимнографии, «одновременно реалистичных и интуитивных, прообразовательных», Ж. Бессе использует термин «вербальная, или словесная икона» — *icône verbale* и соотносит его онтологически с актом предвечного рождения Слова от Отца, поскольку «*le Christ est d'abord Verbe profère éternellement par le Père*». Его отличие от *иконы в красках* «*l'icône en couleur*», заключается в том, что он *изображаем, будучи неизобразимым (неотписанным) ... imaginal, sans être imaginaire*» [8. С. 413]. Еще больший иррационализм свойственен концепции Хайдеггера, по мнению которого, в художественном образе присутствует трансцендентная часть, невыразимая для всякого выражения. Впрочем, подобная трактовка в целом близка идущим от Августина и Николая Кузанского принципам библейской герменевтики, признающей «двойственность» смысла — богодухновенного (сакрального) и профанного (реального). Наконец, определение словесного поэтического образа как «сходства несходного», или как «отождествления противоречащих в широком смысле понятий» принимается и некоторыми современными лингвистами и литературоведами [11. С. 19].

Рассмотренная под разными углами, антиномия предстает как многомерное образование как философский термин; как богословская категория; как ментальная особенность (парадокс) как культурный феномен; как эстетическая и поэтическая категория (образ); как риторическая форма (оксюморон).

В основу рассмотрения антиномии как многомерного образования нами положены основные принципы структурного анализа, разработанные Г.Г. Шпетом. Особенно ценным представляется его наблюдение о существовании изоморфизма

между логическими и поэтическими внутренними формами. Любая антиномия (как логическая структура) потенциально — оксюморон (как риторический прием). Развертываясь в текстовом пространстве, антиномия может принимать разные риторические формы: антитезу, гипаллагу, оксюморон, парадокс, переходить из одной формы в другую. Антиномия — итог развития парных оппозиций и способ мышления оппозициями, антиномия — момент «схватывания» оппозиции, развертываемой в тождество.

В Ветхом Завете антиномичность построения, риторически оформленная как оксюморон, отличает фрагменты, имеющие глубокий прообразовательный смысл и связанные с главнейшими христианскими догматами: Рождеством и Боговоплощением, которые займут затем центральное место и в христианской гимнографии. Это пророчество Исайи о приходе Мессии «в рабии зраце» — тако **ОВВ³ СЛАВНТСА** Ω χλκχ κид'κνιε ткоϛ и **СЛАКА** ткоα Ω ενωκχ члч'κκλ'κ — οὕτως **ἀδοξήσει**..τὸ εἶδος σου καὶ **ἡ δόξα** σου [Ис. 52: 14] и видение Моисеем на горе Хорив «купины в огне горящей и не сгорающей» — καὶ ὁρᾷ ὅτι ὁ βάτος **καίεται** πυρί, ὁ δὲ βάτος οὐ **κατακαίεται** [Исх. 3: 2].

Ветхозаветная аллюзия частотно используется в византийской гимнографии в составе экзегетического приема *типологии* как префигурация Рождества Бога-Слова Богородицей:

В феотокионе канона на Обрезание Господне Иоанна Дамаскина (по тексту Ильиной книги):

Σὲ βάτον Μωσῆς ἐν τῷ ὄρει τῷ Σινᾶ **πυρπολουμένην**, ἀγνή, προεθεώρει τὴν ἐνέγκασαν **ἀκαταφλέκτως** — тебе купинноу моиси кз гор'к синнаст'ки **ПАЛИМЖ**, ч'тл, пр'кд'здраше понесзшюж **НЕОПАЛИМЖ** [12. С. 793].

Мастерство первых славянских переводчиков, использовавших фигуру оксюморона на однокорневой основе, позволило сделать этой риторический прием более зримым, апеллируя не столько к искусенному уму (как это в песнопении византийском), сколько к органам чувств, так как гимны были предназначены для публичного произнесения, и именно подобным образом до прихожан доносились важнейшие христианские догматы.

Ориентация на аллегорическое толкование может вызвать трансформации и лексические замены.

В феотокионе канона на Преполовление Пятидесятницы Андрея Критского (в составе Триоди XII в.):

Єдинѣ Ω трѣца кѣиѣ· кѣ плоть познасѣ· не превраще г'и єущастка но **НЕ ОПАЛИВѣ** рожзша **НЕОПАЛИУ** оутрочу· кѣ єзиѣ кєдѣ **ОГНА** — εἰς τῆς Τριάδος ὄν, γενόμενον σάρξ ὠράθης, οὐ τρέψας Κύριε τὴν οὐσίαν, οὐδὲ **φλέξας** τῆς τεκούσης τὴν **ἄφθορον** γαστέρα, Θεὸς ὢν ὅλος καὶ πῦρ.

В древней Триоди Моисея Киянина однокорневой повтор отсутствует: єдинѣ отъ троица · и плоть кѣиѣ незмѣненана · не разлѣчѣ ги кєтѣстка · **НЕ ОПАЛИ** рожзша пр'с'ч'зна · ч'р'кѣ кѣ єзиѣ кєдѣ и **ОГНА**.

В славянском переводе на месте ἄφθоров «нетленную» стоит *неопаллину*. На переводческое решение могло повлиять устоявшееся словоупотребление, закрепленное в устойчивых сочетаниях, где к нетленному рождеству Богородицы прилагаются термины ἀφλέκτως, ἀκαταφλέκτως «неопально». Неопалимая купина — одно из именований Богородицы, усвояемое ей Церковью: *купину тѣ неопалиму*. и *гору лѣстѣицу дѣхѣннѹю*. и *дверь нѣснѹю*. *достѣнно славимѣ*. Нельзя исключить и возможности лексического варьирования в греческих списках, где вместо ἄφθоров «нетленную» читалось ἀφλεκτον «неопалимую». Прилагательное ἀφλεκτος «несоженный» в дохристианской литературе характеризует поэтическое словоупотребление, в гимнографии же обычно употребляется образованное от него наречие — ἀφλέκτως, слав. *неопаллно*.

В славянском переводе проявляется тенденция к *паллилогии*, когда оксюморон на однокорневой основе используется в функции актуализатора противоречий, заложенных в оригинале:

Стихира на «Господи воззвах» в неделю Св. жен-мироносиц (в составе Триоди XV в.):

Ἄρα μετὰ νεκρῶν ἢ ζωῆ; ὑπὸ τὴν γῆν τὸ ἄνέσπερος Ἥλιος, εἰσέτι καὶ νῦν ὑπάρχει; — *оубѣ съ мртѣдыми жикотѣ и пѣмъ землѣ же незаходимое слнѣце заиде*.

В славянском переводе — *figura etimologica*. Апофатический термин ἀνέσπερος (ἀν + ἑσπέρος «вечерний, западный») содержит представление о вечности и бессмертии. Патристическая формула ἀνέσπερος ἡμέρα «невечерний, не имеющий вечера (т.е. бесконечный) день» встречается у Григория Назианзина и в Пасхальном каноне Иоанна Дамаскина: *къ некечернемѣ дни црѣткинѣ твоего* — ἐν τῇ ἀνеспέρῳ ἡμέρα. Значение «незаходимый» (о солнце, о свете) зафиксировано в сочинениях Оригена в составе парного сочетания τὸ φῶς τὸ ἄδύτον καὶ ἀνέσπερον [13. С. 137]. В рамках подобных словосочетаний у слов вырабатывались общие признаки сходства, что и позволило славянским переводчикам сохранить «образ», отказавшись от поморфемного перевода. С вечером у древних связаны ассоциации с Царством смерти: Плутон, бог подземного царства, назывался ἑσπέρος θεός «бог, живущий на западе, в стране вечера и мрака». Как отмечает В.В. Колесов, «общность многих символов (*солнце* или *свет*), известное сходство культурных переживаний подготовили славянский язык к восприятию многих формул отвлеченного значения» [14. С. 141]. Закат и восход солнца в древних религиях соотносятся с представлением об умирающем и воскресающем божестве, христианский символ «накладывался» на мифопоэтический образ:

иже прежде *слнѣца слнѣцоу* зашедоу иногда къ грѣбѣ — τὴν πρὸ ἡλίου ἡλιον δύοντα πότε ἐν τάφῳ.

Самую обширную группу составляют *христологические антиномии*, служащие для выражения догмата о Боговоплощении, занимающего центральное место в гимнографии и литургии. «Христологическая антиномия выражает здесь с предельной ясностью общую софиологическую антиномию — единство и онтологи-

ческое тождество различных и противоположных начал Божественного и тварного: Творец, сходящий в творение – Рождество, Боговоплощение...» [6. С. 263].

Тождество противоположностей, потенциально заложенное в оксюмороне, может быть актуализировано и в «снятом» виде развернуто в триаду.

В феотокионе канона на Вознесение Иосифа Солунского (в составе Триоди XII в.):

Ο ΘΟΥΔΕΣ ΠΡΕΣΛΑΒΝΗΧΑ · ΚΑΚΟ **ΚΥΜΨΣΤΙΛΛ** ΕΣΙ · ΚΑΪ **ΝΕΚΥΜΨΣΤΙΜΟ** · **ΒΟΪΜΨΣΤΙΜΑΑ** · ΠΛΗΤΙΟΥ ΟΒΝΙΨΑΚΨΑΔΑΓΟ · Ι ΣΥ ΣΛΑΚΟΥ ΜΑΝΨΟΥ · ΝΑ ΝΪΣΝΑΝ ΚΪΖΝΟΣΑΨΙΣΑ ΔΪΝΑ — Ω ΘΑΨΜΑΤΩΝ ΠΑΡΑΔΟΪΩΝ! ΠΨΣ **ἔχώρησας** Θεὸν **ἀχώρητον**, **Θεοχαρίτῳτε** (!), τὸν σάρκα πτωχεύσαντα, καὶ μετὰ δόξης πολλῆς, εἰς οὐράνια, ἀναληφθέντα σήμερον...

Сложное слово — результат снятия противоположностей, стяжения синтагм-формул в эпитет-определение **κῡμψστίλλ** (тезис), **κῡμψστίμο** (антитезис) **βοΐμψστίμαα** (синтез), итог и завершение смыслового развертывания текста. Повтор языкового знака сопровождается «приращением смысла».

В современных греческих изданиях читается Θεοχαρίτῳτε «богородаванная», тогда как славянский перевод предполагает другое соответствие — Θεοχώρητε «богомвместимая». Возможно наличие паронимии в греческих списках, так как оба прилагательных — θεοχώρητος и θεοχαρίτωτος, являлись традиционными эпитетами Богородицы [13. С. 643, 650].

Являясь характерной чертой христианской литургической поэзии, антиномии часто облекались в риторическую форму оксюморона. В качестве строевых элементов текста они выполняли текстообразующую функцию, являясь интертекстуальными элементами, восходящими к формульному ряду Священного Писания, Символа Веры и святоотеческой письменности. Предпочитая аллюзии прямым цитатам, гимнографы использовали универсальные принципы переработки исходных формул. Многочисленные примеры использования этой риторической формы и ее расширения до триады в соответствии с трехчастной богословской схемой свидетельствуют о высоком мастерстве и богословской компетентности авторов и переводчиков песнопений. «Подчеркнутые» однокоренным повтором, антиномии легко воспринимались на слух, что соответствовало катехизаторской (огласительной) функции гимнов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины. Ч. 1. — М.: Правда, 1990.
- [2] *Савваитов П.И.* Библейская герменевтика или толковательное богословие. — СПб.: Тип. А. Иогансона, 1844.
- [3] *Лосев А.Ф.* Философия имени // Из ранних произведений. — М.: Правда, 1990.
- [4] *Гадамер Г.Г.* Истина и метод. — М., 1989.
- [5] *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа // Из ранних произведений. — М.: Правда, 1990.
- [6] *Булгаков С.И.* Философия имени // Первообраз и образ. Т. 2. — СПб.: Инапресс, 1999.
- [7] *Besse J.P.* j image roytique en Syrie et en Armenie chrtytienne // Contacts. Т. 31. — Paris, 1979.
- [8] *Золян С.Т.* Шаракан. Из армянской поэзии V—XV вв. Памятники древнеармянской литературы. — Ереван: Хорхурдаин грох, 1989.

- [9] *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. — СПб.: Азбука, 2004.
[10] *Карсавин Л.П.* Святые Отцы и учителя Церкви. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.
[11] *Павлович Н.В.* Язык образов. — М.: Азбуковник, 2004.
[12] *Верецагин Е.М.* Древнейший славянский богослужебный сборник «Ильина книга». Факсимильное воспроизведение рукописи. Билинейно-спатическое издание источника с филолого-богословским комментарием. — М.: Индрик, 2006.
[13] *Lampe G.V.* A Patristik Greek Lexicon // Ed. G.W. H. Lampe. — Oxford, 1961.
[14] *Колесов В.В.* Древнерусский литературный язык. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989.

ANTINOMY AS TYPOLOGIC FEATURE OF ANCIENT ORTHODOX LITURGIC POETRY

O.V. Chevela

Department of Russian language
Kazan Higher Artillery Command University
Octyabrskiy gorodok, Kazan, Russia, 420025

Rhetoric forms of expressing of philosophic — theologic antinomies in context of Russian phenomenological hermeneutics are analysed in this article. The author studies universal principles of conversion of starting formulas, special features of translation of bysantine hymnografics in ancient Slavonic languages basig on ancient Slavonic manuscripts.

Key words: antinomy, context, poetry, Christianity.